

Title	
Author(s)	
Citation	Acta Slavica Iaponica, 21, 115-143
Issue Date	2004
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/39434
Type	bulletin (article)
File Information	ASI21_006.pdf

[Instructions for use](#)

КАЗАХСКАЯ АВТОНОМИЯ: ОТ ЗАМЫСЛА НАЦИОНАЛОВ К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ ПО-СОВЕТСКИ

ДИНА АМАНЖОЛОВА

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ И УСЛОВИЯХ

Как известно, советский федерализм в 1920-е гг. формировался в рамках ситуативной политики большевиков и для автономий в особенности не предполагал договорного подхода. На практике РСФСР и СССР стали симбиозом федеративной формы и унитарного содержания с различными механизмами и возможностями модернизации этносов как единого поликультурного социума. Процесс образования национально-государственных единиц РСФСР на разных примерах рассматривается в современных исследованиях.¹ Тем не менее, сохраняется необходимость бо-

1 См., напр.: *Ненароков А.П.* К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917-1924. М., 1991; *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. М., 1992; *Кузванова О.Ю.* Актуальные проблемы становления и развития коми национальной государственности (1917-1930-е гг.). Сыктывкар, 1992; *Кульшарипов М.М.* З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-1920 гг.). Уфа, 1992; *Нуреев И.С.* Роль общественных движения и политических партий национальных районов Поволжья в национально-государственном строительстве в 1917-1920 гг. (На материалах Башкортостана и Татарстана). СПб., 1993; *Елаев А.А.* Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994; *Национальная политика России: история и современность.* М., 1997; *Валентей С.Д.* Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998; *Калина В.Ф.* Особенности становления российского федерализма // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3; *Чеботарева В.Г.* Государственная национальная политика в республике немцев Поволжья. 1918-1941 гг. М., 1999; *Волобуев О.В.* Рождение и судьбы новой крымской государственности // Отечественная история. 1999. № 2; *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000; *Россия нэповская.* М., 2002 и др.

Автор признает очевидную недостаточность обзора без анализа зарубежной историографии, особенно казахстанской и западной (о причинах этого см.: *Мацузато К.* Русистика поверх границ. Славянские исследования Японии и социальные науки России: совместные поиски выхода из изоляции // *Ab imperio.* 2003. № 1). Очевидно, наиболее предметно тема настоящей статьи в контексте более общих вопросов рассматривается в книге: *J. Smith, The Bolsheviki and the National Question, 1917-1923* (Basingstoke, 1999). Некоторые детали затрагивают казахстанские авторы: *Чиликова Е.* Стирая архивную пыль. Оренбург – Кзыл-Орда – Алматы // *Мысль.* 1995. № 10. С. 85-91; *Игибаев С.* Образование Казахской автономной социалистической республики – шаг к возрождению государственности // *Поиск.* 2002. № 1. С. 107-111.

лее детального изучения становления автономий как структурных элементов советской федеративной системы. Такое исследование дает возможность вскрыть механизм национально-государственного строительства в РСФСР и СССР, рассмотреть специфику модернизационных процессов в центрально-азиатских странах, определить роль и проследить взаимоотношения национальной интеллигенции и власти в условиях глубоких общественных трансформаций. Настоящая статья основана на ряде опубликованных источников, но главным образом – на материалах архивов России и Казахстана.²

Летом 1920 г. в составе РСФСР были образованы Башкирская, Татарская, Казахская (до 1925 г. – Киргизская, поскольку казахи именовались «киргизами»), Дагестанская и Горская автономные республики и ряд автономных областей. Обратимся к истории создания казахской автономии. В 1919 г., когда лидеры автономизма алашординцы³ запятали себя сотрудничеством с белыми и потерпели военно-политическое поражение в союзе с ними, их переход на сторону Советов определялся условиями победителя. К тому же, некоторые национальные лидеры (А. Байтурсынов и др.) пересмотрели свои идейные позиции и связали судьбу с РКП(б) в надежде реализовать принцип самоопределения казахов в федеративной советской России. Очевидно, именно этот мотив был определяющим для большинства участников движения Алаш, амнистированных в ноябре 1919 г. и вскоре привлеченных к государственному строительству приказом чрезвычайного органа по управлению краем – Киргизского военнореволюционного комитета (КирВРК). Правда, сам ВРК был властью во многом номинальной. Фактически, до конца военных действий эта власть находилась в руках руководства Туркестанского фронта, а затем партийных структур, ведущую роль в которых играли командированные из Центра большевики.

В их деятельности, кроме того, сразу проявились черты, вообще характерные для военно-коммунистического периода – чрезвычайщина и администрирование, незнание и игнорирование национальной специфики и пр.

2 ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации; РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории; ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан; АП РК – Архив Президента Республики Казахстан; ГАСО – Государственный архив Семипалатинской области.

3 В 1905 г. зародилось казахское движение Алаш, по инициативе которого в 1917 г. была создана одноименная партия. Партия Алаш стремилась к созданию национально-территориальной автономии казахов в составе Российской демократической федерации. После Октябрьской революции 1917 г. на 2-м Всеказахском съезде ее сторонники провозгласили автономию и создали правительство Алаш-Орда, которое в 1918-1919 гг. пыталось добиться автономии в союзе с белыми, а после их поражения было распущено. Его сторонники и лидеры – алашординцы – с 1919 г. стали переходить на сторону советской власти. Подробнее см.: *Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш (1905-1920 гг.). М., 1994.*

На I-м Всероссийском совещании представителей автономных республик и областей и губотделов по национальным делам, проходившем в Москве 8-21 декабря 1920 г., председатель ЦИК Киргизской АССР С. Мендешев вспоминал: «Когда в 1919 г. после очищения киргизских областей от казаков и белогвардейцев, от Колчака был организован Военно-Революционный Комитет по управлению Киргизским краем, то туда были посланы лица, которые совершенно не имели никакого приспособления для правильного подхода к работе среди киргизского народа... Так, например, работа продовольственных органов доходит до таких нелепостей, что киргизам дают разверстку на свиней».⁴

Тем не менее, ВРК, в ведение которого по декрету от 10 июля 1919 г. передавались Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская области и Букеевская орда (казахская территория Астраханской губернии), был призван заниматься как вопросами повседневной жизни края, так и созывом всеказахского съезда для учреждения советской автономии. Только в феврале 1920 г. было опубликовано постановление ВЦИК, в котором в качестве одной из важнейших задач говорилось об «установлении нормальных отношений между РСФСР и входящими в ее состав автономными Советскими Республиками и, вообще, нерусскими национальностями», а также сообщалось о создании комиссии «для разработки вопросов федеративного устройства РСФСР».⁵ Подготовка съезда началась уже весной 1919 г. на освобожденной от белых западной территории Казахстана силами созданной Наркомнацем инициативной группы во главе с военкомом по киргизским делам М. Тунганчиным,⁶ однако из-за сложной военно-политической обстановки в 1919 г. съезд созван не был.

ВЫБОР СТОЛИЦЫ – ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Дальнейшие события и, прежде всего, положение в КирВРК подали первые, но далеко не сразу адекватно воспринятые современниками сигналы «ловушек» национальной государственности и потребовали от Центра более пристального внимания к вопросу о будущей автономии. В эти дни на первый план вышли взаимоотношения между членами ВРК – присланными из Центра и местными, от казахского населения. Эти взаимоотношения отражали не только личные амбиции, но и не менее важные, в том числе с точки зрения отдаленных последствий, вопросы, связанные с подготовкой государственного образования: о границах и столице новой

4 ГА РФ, ф. 1318 (Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР [Наркомнац]), оп. 1, д. 637, л. 74-75. Решение КирВРК о мобилизации интеллигенции см.: Протоколы революционного комитета по управлению Казахским краем (1919-1920 гг.). Алматы, 1993. С. 60, 160.

5 Известия ВЦИК. 17 июля 1919; Жизнь национальностей. 15 февраля 1920. № 6.

6 ГА РФ, ф. 1318, оп. 11, д. 2, л. 4, 10; оп. 1, д. 44, л. 1; Известия ВЦИК. 6 апреля 1919.

республики, о взаимодействии, полномочиях и статусе военно-политических, административно-территориальных и партийных органов.

10 сентября состоялось совещание Оренбургского ВРК с ответственными работниками КирВРК и представителями РВС Туркфронта, РВС и политотдела 1-й армии, на котором обсуждался один из принципиальных вопросов – о присоединении к Казахстану Оренбурга. Председатель КирВРК С.С. Пестковский, выражая мнение Центра, в своем докладе высказался «за», тогда как представители Оренбурга А.А. Коростелев, И.Д. Мартынов и еще 6 участников совещания – «против», считая необходимым присоединить к Оренбургской губернии Уральскую область и Актюбинский уезд Акмолинской области, русское население которых было более многочисленным, нежели в других районах края.⁷ Правительство новой автономии они предлагали разместить «в глубине Киргизии».

По существу, но по совершенно иным мотивам это предложение поддержали члены КирВРК А. Байтурсинов, С. Мендешев и М. Тунганчин. Байтурсинов, выступая от их имени, категорически протестовал против присоединения Оренбурга к Казахстану и тем более против превращения его в административный центр республики, заявив об отказе казахской части ВРК участвовать в голосовании. Если последняя, таким образом, в подобном подходе усмотрела попытку лишить автономию самостоятельности, то представители Оренбурга И. Каширин, Здобнов и другие пытались доказать, что из Оренбурга как столицы края будет легче бороться с русским кулачеством в Казахстане.⁸ Этот аргумент звучал малоубедительно для национальных деятелей, хорошо понимавших глубину противоречий между казахским населением и казачеством, «нелегитимный» с точки зрения массового национального сознания статус чужого русского города в качестве столицы и в то же время очевидное ослабление собственного влияния на решение важнейших вопросов управления в центре, традиционно игравшем роль аванпоста метрополии. И хотя до революции здесь находились определенные культурные силы казахов, а в декабре 1917 г. на II-м Всеказахском съезде именно в этом городе была провозглашена казахская автономия, центром этой автономии съезд все же предпочел объявить Семипалатинск. Из Омска же, где до революции так-

7 См.: Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии, последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1980. С. 136-137. По ее данным, численность украинцев в сравнении с русскими была значительно ниже. В августе 1920 г. А. Ермеков отмечал, что в Акмолинской области преобладает русское население (ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 4, л. 63). «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» (Алматы, 1993. С. 234) указывает: на 1897 г. русских в Акмолинской области было 56,7%, в Уральской – 40,8.

8 Тимофеев Н. Борьба казахской партийной организации на два фронта с уклонами в национальном вопросе в 1919-1920 гг. (К 15-летию образования областного бюро РКП(б) в Казахстане) // Большевик Казахстана. 1935. № 9-10. С. 74-75; Чиликова. Указ. соч. С. 87-89.

же сосредоточивались представители казахской интеллигенции, при А.В. Колчаке они были вытеснены.

Для Москвы Оренбург как столица автономии был предпочтительнее. Во-первых, такое решение проблемы отрывало ненадежную, с точки зрения Центра, национальную элиту от непосредственного общения с массами и облегчало контроль над ней (судя по данным Департамента полиции, подобный контроль вполне успешно осуществляли и царские власти). Во-вторых, столица должна была располагаться в городе, имевшем необходимую инфраструктуру, кадровый, организационный, финансовый, производственный, материально-технический и т.д. потенциал. К тому же присоединение Оренбургской губернии к казахской автономии подрывало бы устои казачьей самостоятельности, раздражавшей Центр. Вероятно, учитывалось и то, что до революции Оренбург был своеобразным центром активности и взаимодействия татарских, башкирских и казахских деятелей, которые в новых условиях уже не могли бы, как прежде, считать его сферой своего влияния.⁹

На территории самого Казахстана города, отвечавшего этим требованиям, не было, исключая Семипалатинск – родину движения Алаш и столицу непризнанной Алашской автономии 1918-1919 гг. Для алашординцев Семипалатинск, очевидно, был наиболее предпочтительным, но тогда он еще не контролировался Советами, да и рассчитывать на поддержку Центром такого выбора было трудно. Даже после установления советской власти среди алашординцев, теперь сотрудничавших с ней и вступивших в РКП(б), доминировали сторонники их лидера А. Букейханова. Но именно поэтому, да и в силу других обстоятельств Семипалатинск явно не годился для такой роли (кстати, видимо, не случайно уже в 1990-е годы в ходе укрупнения административно-территориального деления Республики Казахстан власти сделали центром северо-восточного региона не историческую родину казахского национализма, а имеющий большой промышленный потенциал Усть-Каменогорск, несмотря на активную и далеко неоднозначную роль в его общественной жизни представителей русской общины и казачества).

Так или иначе, конфликт потребовал прямого вмешательства Центра. 20 сентября на совещание Оренбургского губкома партии, губисполкома,

9 О контроле Департамента полиции над казахскими деятелями в Оренбурге до революции см.: *Аманжолова Д.А.* Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993. С. 45-57. Одним из общенациональных татарских центров, наряду с Казанью и Уфой, Оренбург называет, в частности, Хабутдинов А.Ю. («Татарское общественное движение в российском обществе (конец XVIII – начало XX вв.)»). Автореф. докт. дисс. Казань, 2002. С. 16). Вопрос о столице Казахстана оставался актуальным на протяжении всего XX в.: это единственное государство на постсоветском пространстве, которое за свою историю трижды меняло столицу, если не считать провозглашенную в 1918 г., но не признанную Алашскую автономию с центром в Семипалатинске.

командования Туркфронта и 1-й армии, а также ответственных работников для обсуждения башкирского и киргизского вопросов прибыл председатель ВЦИК М.И. Калинин. Представители Оренбурга были вынуждены признать ошибочность своего протеста против предложений Москвы, однако Байтурсынов последовательно отстаивал интересы полноценного, с точки зрения своей группы, национального самоопределения. Он справедливо указал на неправомочность партийного, по существу, совещания определять границы будущей автономной республики и вновь отказался от голосования. Совещание поручило одному из его участников, председателю Оренбургского губкома РКП(б) И.А. Акулову, подготовить доклад о положении Киргизии и определило Оренбург в качестве административного центра будущей республики.¹⁰

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

3 ноября секретарь Президиума ВЦИК А.С. Енукидзе направил секретарю ЦК РКП(б) Е.Д. Стасовой выписку из протокола заседания Политбюро ЦК от 30 октября, посвященного взаимоотношениям с БашВРК и КирВРК. Политбюро поручало ВЦИК в течение трех недель созвать совещание по башкирскому и киргизскому вопросам с участием представителей обоих ВРК, а также Уфимского и Оренбургского губисполкомов и Сибири. Проблему границ Киргизстана, вопрос о его столице и ряд других предполагалось решить уже после этого совещания.¹¹

10 Тимофеев. Указ. соч. С. 83. На практике распространить влияние власти из Оренбурга на степь оказалось достаточно трудно. Секретарь Киробкома РКП(б) Г.А. Коростелев в письме Сталину в октябре 1921 г. жаловался, что киргизский нарком проводил в степи месяцев по 5-6, не заглядывая в свой наркомат. Т. Рыскулов же, видимо, вспоминая о своей идее 1920 г. сделать столицей Казахстана Ташкент, в феврале 1922 г. предлагал Сталину либо вообще упразднить КАССР (он не сомневался, что в массах это решение не вызовет недовольства), присоединив ее территории непосредственно к Центру, либо перенести столицу в другое место из-за «совершенной неспособности Оренбурга по пространственным и другим техническим причинам быть центром разбросанных на громадном пространстве губерний Кирреспублики. Что же касается влияния на отсталую Киргизию из Оренбурга, как пролетарского центра, не приходится говорить, ибо та же жизнь показала отсутствие этого влияния»; на местах же стремятся решать свои проблемы в Центре, минуя Оренбург. – РГАСПИ, ф. 558 (И.В. Сталин. Коллекция Наркомнаца), п. 2, д. 32, л. 4-6, 40-44.

11 По тем же вопросам Оргбюро ЦК планировало созвать партийное совещание с приглашением «надежных и достоверных с советской точки зрения башкира и киргиза». Было также решено отозвать из КирВРК М. Тунганчина, предложить ему выдвинуть другого «киргиза» и «партийным путем принять меры к тому, чтобы этот кандидат был коммунистом и во всяком случае советский человек» (РГАСПИ, ф. 667 [А.С. Енукидзе], оп. 1, д. 7, л. 2). По требованию Пестковского и Лукашева, за

Одним из самых болезненных был вопрос о границах автономии. Чуть позже, в декабре 1919 г. VII-й Всероссийский съезд Советов создал специальную административно-территориальную комиссию для установления новых местных границ и обеспечения экономического объединения российских регионов.¹² Однако в процессе перераспределения территорий вскрылись противоречия между объективным требованием единства, в том числе и для достижения реального равенства народов, с одной стороны, и разобщающими национально-государственными амбициями окраин – с другой. Практически одновременно с проведением первого совещания «казахским» членам КирВРК пришлось снова конфликтовать с Центром по территориальному вопросу. Суть дела заключалась в том, что вопреки декрету СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. об образовании КирВРК, 27 августа положением «О Сибревком» Президиум ВЦИК учредил Челябинское районное управление на правах губернского органа, а в начале сентября включил Кустанайский уезд в состав вновь созданной Челябинской губернии.¹³ Очень скоро в ведение СибВРК были переданы Семипалатинская и Акмолинская области.

6 сентября КирВРК направил в правительство протест, мотивируя его как формальными причинами (декретом самого СНК), так и политико-экономическими соображениями. В приложенном к заявлению подробном докладе Байтурсынова объяснялись особенности кочевого образа жизни и хозяйствования казахов, которые плохо понимали европейцы, считавшие, что «ничего не стоит воспретить бестолковое шатание по степи и прикрепить их к земле». Жизнь кочевника, объяснял автор доклада, очевидно, вспоминая при этом аналогичные ходатайства, которые он вместе с единомышленниками направлял еще в царское правительство, находится «в полной зависимости от климатических и почвенных условий степи» и обусловлена ими. При этом «кочевники не считаются ни с какими административными границами, ибо ... по обычному праву, принадлежащему разным родам, могут переходить границы не только волостей и уездов, но и областей. Кочевание происходит ... по строго определенным для каждого хозяйственного аула направлениям и на определенные места».

поддержку контрреволюционной интеллигенции и т.п. сам Тунганчин был на время арестован и исключен из партии.

12 Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 152.

13 ГА РФ, ф. 1318, оп. 11, д. 6, л. 35; Протоколы революционного комитета. С. 21, 134. Еще летом 1918 г. Наркомпрод в продовольственном отношении выделил Кустанайский и Тургайский уезды в самостоятельный Челябинский район. 5 июня 1918 г. А. Джангильдин писал В.И. Ленину, что насильно расколотое этим население Кустанайского уезда, «лишенное своего политического и хозяйственного центра, находящегося в Оренбурге, ...недовольно и начинает местами протестовать». Он предлагал признать целесообразным постановление Тургайского облисполкома о немедленном переносе своего местопребывания и областных учреждений в самый значительный из своих уездных городов – Кустанай. – РГАСПИ, ф. 5 (Секретариат Председателя СНК и СТО В.И. Ленина), оп. 1, д. 992, л. 4 об.

Скотоводческие хозяйства южных и северных уездов не могут существовать друг без друга, писал Байтурсынов. «Запереть северные летовки, т.е. северные уезды для южан равносильно лишению их скотоводческого хозяйства возможности существовать, что в свою очередь, лишая киргизов возможности существовать, осуществило бы желание Маркова-2-го, предлагавшего в Государственной Думе “поступить с киргизами как в Америке с индейцами”, т.е. сконцентрировать их на одной территории для вымирания “на законном основании”». Байтурсынов выразил уверенность, что при Советской власти подобное не произойдет и потому включение Кустанайского уезда в Челябинский район предложил считать ошибкой, вызванной недоразумением.

Другим экономическим фактором, который необходимо было учесть, он считал проблему снабжения хлебом населения Тургайской области и всех хозяйств, кочевавших из области Сыр-Дарьинской, приведя при этом конкретные цифровые данные. Для большей убедительности Байтурсынов сослался на решения съезда ветврачей Тургайской области и Оренбургской губернии 1912 г. о сохранении сложившихся пастбищных площадей, а также Государственного совета, который при разработке проекта Степного положения 1891 г. отклонил предложение комиссии сенатора Плеве о присоединении Актюбинского и Кустанайского уездов к Оренбургской губернии в порядке управления. «Когда бюрократический Государственный совет не мог решиться на шаг, губительный для кочевого населения целого района и его скотоводческого хозяйства, которое в данное время, вследствие уменьшения вообще количества скота в России, имеет весьма важное государственное значение, не думаю, чтобы сознательно решились на это народные избранники Советской власти», – заключал он. Тем не менее, вплоть до образования КАССР вопрос оставался открытым.¹⁴ Сложившаяся ситуация вкупе с выбором столицы не могла не разочаровывать и не настораживать националов, уже накопивших малоутешительный опыт общения с Центром, который в 1917-1919 гг. порой демонстрировал близость к прямо противоположным им политическим силам, удивительно похожим друг на друга в своем недоверии к окраинам.

Типичной для некоторых большевистских функционеров была позиция члена ВРК Вадима (Лукашева), у которого возник конфликт с националами. Позднее этот конфликт дошел до угроз физической расправой с А. Байтурсыновым и привел к выводу Вадима из состава ВРК. В сентябре

14 Даты телеграмм и доклада А. Байтурсынова, указанные в сборнике «Протоколы революционного комитета» (с. 21), расходятся с датами документов, обнаруженных нами в ГА РФ (ф. 1318, оп. 11, д. 6, л. 35, 36-37 об, 103). Вопрос о Кустанайском уезде обсуждался также на заседаниях КирВРК 22 января и 10 марта 1920 г. из-за проблем в отношениях с челябинскими властями. Окончательно этот уезд был включен в состав КАССР декретом от 26 августа 1920 г. – См.: Протоколы революционного комитета. С. 60, 67, 135, 168.

1919 г. Лукашев писал в ЦК РКП(б): «И если сейчас киргизская масса кричит об автономии, абсолютно не зная, что такое автономия, и не зная, что она с собою несет, но ожидая чего-то лучшего, лучше того, что было и что есть сейчас, она все же как один человек восклицает “автономия-автономия” (я убежден, что кричат об “автономии” только “Тунганчины”, а не масса...), то это еще не значит, что эта масса за Советскую власть, а тем более за коммунизм... Пока эту “автономистскую” авантюру подсказала ей кучка ханских бандитов-богачей, которую мы “вынуждены” временно гладить по головке, всякими способами привлекая их к себе “на помощь”, как элемент, имеющий “громадное” (никакого “громадного” влияния их нет! И получают они его – “через нас”!) влияние на темный народ, влияние, основанное на жалких остатках прежнего деспотического величия». Не менее ясно относительно Байтурсынова выразился И.В. Сталин в записке Е.Д. Стасовой сразу после образования КирВРК: «Я его не считал и не считаю революционером-коммунистом или сочувствующим, тем не менее, его присутствие в ревкоме необходимо».¹⁵

Речь, таким образом, шла о поиске способов осуществления объективно необходимой модернизации региона, наименее болезненным преодолении противоречий между субъектом и объектом преобразований, наиболее органичном синтезе разнородных начал и полноценном включении края в общероссийскую хозяйственную, административно-территориальную, политическую и социокультурную организацию, которая сама в это время перестраивалась радикальным образом. Но если правящая партия расценивала огосударствление этносов как инструмент строительства социализма, то националы видели свою цель в обеспечении единства и прогресса своего народа. Военно-коммунистические методы управления, усвоенные Центром, поверхностное представление о специфике края и личные амбиции присланных из Москвы руководителей, их неумение наладить деловое сотрудничество с национальной интеллигенцией сочетались со сложными противоречиями внутри этой последней. Немногочисленная элита народа, который еще далеко не сложился в современную нацию и переживал труднейший процесс самоидентификации в условиях гражданской войны, острого политического противоборства, экономической разрухи и голода, не успела консолидироваться и была разобщена по идейно-политическим мотивам, которые к тому же наслаивались на традиционную иерархию родовых и клановых ориентиров и предпочтений.

15 РГАСПИ, ф. 17 (ЦК РСДРП(б)-РКП (б)-ВКП(б)), оп. 86, д. 129, л. 112; ф. 558, оп. 1, д. 5057, л. 1. О конфликте Лукашева и Байтурсынова см., напр.: Протоколы революционного комитета. С. 144-145. По мнению одного из членов редколлегии и составителей этого сборника, высказанному в беседе с автором этих строк, Лукашев был одним из инициаторов превращения Оренбурга в столицу автономии. К тому же он отлично знал казахский язык и долго скрывал это, что в конце концов заметил Байтурсынов и спровоцировал его на скандал, ускоривший вывод Вадима из состава ВРК.

Немногие из представителей национальной интеллигенции отдавали приоритет классовому подходу.¹⁶

Председателю КирВРК Пестковскому удалось несколько ослабить позиции Байтурсынова. Однако последний не оставлял попыток добиться реального представительства казахской элиты в руководстве краем и ее участия в определении его будущего. 11 октября на заседании комиссии ревкома по выработке положения о созыве учредительного съезда он заявил, что проект предусматривает «лишение киргизского народа права представительства и возможности выразить свою волю через наиболее культурных, развитых своих членов», т.к. всех, кто до революции служил в органах местного самоуправления и других государственных учреждениях, предполагалось лишить избирательных прав.¹⁷ Отстраняя от участия в выборах этот тонкий культурный слой, власть действительно теряла всякую поддержку со стороны населения.

Для того, чтобы прощупать настроения казахской элиты, КирВРК по согласованию с командованием Туркфронта и Турккомиссией на 1 декабря 1919 г. назначил конференцию актива казахских работников с приглашением националов, «находящихся в белогвардейском стане».¹⁸ Конференцию удалось провести в Актюбинске только в январе 1920 г. с участием 240 делегатов от всех областей, кроме Семипалатинской, в которой группировались лидеры движения Алаш (здесь советская власть установилась 1 декабря 1919 г., а 13 января 1920 г. облВРК зафиксировал подчиненность области СибВРК). Треть делегатов представляли Туркестан.¹⁹

16 Руководство страны стремилось учитывать и использовать различия в позициях и особенности взаимоотношений внутри национальной интеллигенции. Например, на списке работников национальных республик и областей, подготовленном в Секретариате ЦК РКП(б) и утвержденном Политбюро 24 мая 1923 г. для созыва совещания, С. Мендешев и М. Мурзагалиев значатся как имеющие «более националистический оттенок», а А. Джангильдин – «примыкающим к европейским работникам», «но не пользующимся влиянием». – РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 339, л. 7.

17 Цит. по: Тимофеев. Указ. соч. С. 83. Об этом см. также: Протоколы революционного комитета. С. 23, 137-138.

18 РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2916, л. 11. 31 октября КирВРК решил просить Туркфронт об амнистии, в том числе уральской и тургайской группам алашординцев, с приглашением их на конференцию, а 13 ноября постановил перенести ее с 1 на 20 декабря для прибытия «несоветских киргизов» из отдаленных областей. – См.: Протоколы революционного комитета. С. 36, 40, 146.

19 См.: Аманжолова. Казахский автономизм и Россия. С. 174-176. В статье от 25 декабря 1919 г., посвященной этому съезду, Т. Рыскулов утверждал: туркестанские делегаты поехали на съезд с наказом присоединить к новой республике Сырдарьинскую область с Амударьинским отделом, часть Джизакского уезда и всю Семиреченскую область, «но с неременным условием перенесения центра Киргизской Республики в гор. Ташкент», который должен был стать настоящим революционным центром всех угнетенных народов Востока. – См.: Рыскулов Т. Избр. труды. Алма-Ата, 1984. С. 70.

Однако эта конференция была лишь пробным камнем. Военные действия на территории края еще не завершились, бесспорный лидер движения Алаш А.Н. Букейханов оставался неподконтрольным большевикам, да и прежде, чем провозглашать автономию, власти было необходимо решить целый ряд непростых вопросов.

Прежде всего, это касалось территории и границ республики. Ясности на сей счет, кажется, не было ни у кого, зато на недостаток всевозможных инициатив жаловаться не приходилось. Так, 21 ноября 1919 г., заслушав доклад представителей казахского населения Астраханского и Красноярского уездов Астраханской губернии, КирВРК постановил образовать из этих уездов Волго-Каспийскую Киргизию с прямым подчинением ревкому в составе 5 человек, которые и были тут же назначены. Это образование просуществовало до конца августа 1920 г., когда была создана КАССР. Затем члены КирВРК Г. Алибеков, А. Байтурсынов и А. Ермеков (все – бывшие алашординцы) образовали комиссию из представителей Астраханского губисполкома и КирВРК как представителя Букеевского исполкома для изучения вопроса о присоединении части Волго-Каспийской Киргизии к вновь созданной автономии.²⁰

Проблема границ неоднократно обсуждалась и в Центре. 13 декабря 1919 г. член БашВРК А.-З. Валидов предложил В.И. Ленину объединить Киргизскую и Башкирскую республики (еще в сентябре 1918 г. валидовцы заключили договор о создании единого государства с Алаш-Ордой), Оренбургскую губернию с Оренбургом включить в состав Киргизо-Башкирии, а в Оренбурге создать «крепкий» культурно-просветительный и экономический центр. Кроме того, он был за расчленение города и губернии по областям новой республики, «дабы не оставлять места для такой русской или казачьей власти, которая могла бы конкурировать или соперничать с единой Советской Киргизо-Башкирской властью». Однако в Кремле предложение Валидова поддержки не получило. В тот же день Политбюро ЦК постановило «предложить Президиуму ВЦИК устроить совещание» с участием представителей Центра, Оренбурга, БашВРК и КирВРК, где «разрешить отрицательно вопрос о слиянии Башкирской и Киргизской Республик».²¹

Уже 15 декабря 1919 г. на совещании руководства ВЦИК и пограничных губерний под председательством М.И. Калинина рассматривался вопрос о Башкирской, Татарской и Киргизской республиках. Решение о гра-

20 ГА РФ, ф. 1318, оп. 11, д. 5, л. 2,16. См. также: Протоколы революционного комитета. С. 43-44, 154.

21 РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 938, л. 1; ф. 17, оп. 163, д. 22, л. 1 об. Идея объединить Башкирию и Казахстан, а также Туркестан возникла у З. Валидова и А. Букейханова и летом 1918 г., во время быстрого свержения власти Советов в этих регионах. – См.: Башкурд (Челябинск). 17 июля 1918; Рабочее утро (Оренбург). 18 июля 1918; Оренбургский казачий вестник. 18 июля 1918; Кокчетавский вестник. 22 июля. 1918.

ницах Киргизии и Башкирии, а также о судьбе Оренбурга было передано в административную комиссию при ВЦИК. 16 мая 1920 г. КирВРК принял проект положения об управлении спорными областями и уездами, подготовленный комиссией, в которую вошли Айтиев, Ермаков, Кулаков и Авдеев, и направил его в Сибирский и Челябинский ревкомы, киргизское представительство в Москве и Наркомнац. В Москву для согласования вопроса о границах был командирован А. Ермаков. При КирВРК была создана комиссия из трех человек для выяснения территорий, подлежащих включению в Киргизскую республику в силу этнографических, политических и экономических условий, точного установления границ республики и составления проекта для представления в СНК и доклада на всекиргизском съезде, а также для подготовки заключений по спорным вопросам о границах и территориях с соседними губерниями и непосредственного решения споров и разработки проекта внутреннего административного деления края. В Москву приехала целая группа бывших алашординцев и их сторонников (А. Ермаков, В. Таначев, М. Ауэзов, И. Омаров, С. Кадирбаев) с тем, чтобы повлиять на решение столь важных для автономии проблем.²²

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИСКУССИЙ И КОМПРОМИССОВ

Активная работа по созданию советской автономии в Казахстане развернулась летом 1920 г. 18 мая по поручению Президиума ВЦИК Ста-

22 ГА РФ, ф. 1318, оп. 11, д. 5, л. 4; д. 12, л. 205, 165, 233.

М.О. Ауэзов (1897-1961) – впоследствии известный советский казахский писатель. В.-Х. Ш.-Э. Таначев (р. 1882) окончил юридический факультет Казанского университета, в январе 1906 г. участвовал во II-м съезде мусульман России в Петербурге, принявшем «Устав Всероссийского мусульманского союза», в 1909-1910 гг. побывал во Франции, Италии, Швейцарии, Германии, Австро-Венгрии, хорошо знал тюркские языки. До февраля 1917 г. занимался культпросветработой в Казани, затем работал в других городах России «преимущественно по представлению киргизского народа», как писал он в одной из анкет в декабре 1920 г. В 1917 г. участвовал в I Всероссийском мусульманском съезде и был членом Икомуса – исполкома Всероссийского мусульманского совета. Был участником всех казахских съездов, докладчик, агитатор и организатор. В 1919 г. член коллегии отдела юстиции КирВРК. В начале 1920 г. работал в литературно-издательской секции историко-статистического отдела Киркрайвоенкомата, переводил статьи из казахских газет, но из-за отказа в жаловании прекратил эту деятельность. Летом 1920 г. являлся членом отдела юстиции КирВРК, в 1921-1922 гг. – членом коллегии представительства республики в Москве, представителем КАССР в Наркомнаце. – См.: ГА РФ, ф. ДП ОО (Департамент полиции Министерства внутренних дел – Особый отдел), 1911, д. 74, ч. 5. Л. Б, л. 11; 1914, д. 74, л. 3; ф. 1318, оп. 1, д. 638, л. 82; ЦГА РК, ф. 59 (Киргизский [Казахский] крайвоенкомат), оп. 1, д. 410, л. 1; ф. 14 (Революционный комитет по управлению Киргизским [Казахским] краем), оп. 1, д. 81, л. 86; ГА РФ, ф. 1318, оп. 11, д. 8, л. 79-80; д. 12, л. 205.

лин вызвал в Москву представителей СибВРК, Туркфронта, Туркбюро РКП(б), Оренбургского и Челябинского губисполкомов, Уральского ВРК, КирВРК и облисполкома Букеевской Орды «для обсуждения вопросов, связанных с управлением Киргизского края». В июле им же на места было направлено извещение о созыве совещания, на котором предполагалось обсудить управление Кирреспубликой, проблему ее границ и отношений с РСФСР. Пестковский в связи с этим запросил Ленина, Сталина и Преображенского о порядке временного управления спорными областями. Вскоре удалось переломить настроения противников статуса Оренбурга как центра, и 4 июня КирВРК принял постановление о включении Оренбургской губернии в состав автономии, хотя решение ВЦИК на этот счет состоялось уже задним числом – 20 сентября.²³ Еще в марте 1920 г. ЦК РКП(б) принял «Положение об автономии Туркестана» в составе РСФСР (эта автономия в 1924 г. была упразднена в связи с образованием Узбекской и Туркменской ССР, вошедших в состав СССР). При этом руководство страны продолжало нащупывать оптимальный вариант решения всего комплекса проблем, связанных с советизацией и управлением огромным регионом и удержанием его под своим контролем в обстановке отчуждения национальных масс и их лидеров от новой власти, запятнавшей себя многочисленными «эксцессами» в рамках военно-коммунистического курса.

Озабоченность на этот счет отчетливо проявилась в послании Ленину, в ЦК РКП(б) и в Президиум ВЦИК членов Турккомиссии ВЦИК и СНК В.В. Куйбышева, М.В. Фрунзе, Д.С. Гопнера и Ф.И. Голощекина от 5 июня 1920 г.: «Поскольку мысли о создании национальных республик Туркменской, Узбекской и Киргизской могут повести к каким-либо конкретным действиям в близком будущем, – писали они, – мы считаем необходимым категорически предупредить и предостеречь от подобных мыслей. Оно [это мнение] обсуждалось в Турккомиссии в присутствии Элиавы, Рудзутака и являлось контрпредложением против явно панисламистских устремлений верхушек мусульманской интеллигенции и поддерживающих ее представителей торгового капитала и духовенства. Решение о республиках может остаться в качестве самой крайней меры, которую придется применить, когда все остальные средства будут исчерпаны, но ни в коем случае не может быть лозунгом дня. В настоящее

23 Чуть позже Оренбургская губконференция Советов приняла подобное решение, а 7 июля КирВРК временно образовал Оренбургско-Тургайскую губернию. – РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 3734, л. 2, 1; ф. 17, оп. 65, д. 351, л. 31; Протоколы революционного комитета. С. 109, 185; Декреты Советской власти. Т. 10. М., 1980. С. 193; Образование Казахской АССР. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1957. С. 215-216. 22 июня 1920 г. Политбюро постановило отложить утверждение проекта временного положения об управлении областями Киркрая, пограничными с Сибирью, до августовского всекиргизского совещания. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 75, л. 29. См. также прим. 34.

время Туркестан переживает состояние брожения и имеется много данных за возможность овладения симпатиями широких мусульманских трудящихся масс. Немедленное проведение в жизнь решения о республиках внесет во всю туркестанскую работу величайший хаос и, несомненно, сыграет на руку самым отрицательным националистическим верхушкам всех республик, поскольку в нашем распоряжении нет достаточно сил для обслуживания даже единого Туркестана...».²⁴ Это письмо, очевидно связанное с дискуссией вокруг известного проекта Т. Рыскулова о Тюркской республике, отражало общую обеспокоенность его авторов сохранением советского влияния в регионе.

Местное большевистское руководство до поры до времени предпочитало использовать лозунг национального самоопределения лишь как знамя, зовущее в не определенное конкретными пределами «светлое будущее». Идеалы мировой революции неизбежно превращали большевиков в космополитов, а потому все национальные проблемы, подчиненные этой главной цели, должны были разрешаться как бы сами собой по мере утверждения «царства диктатуры пролетариата», уничтожающего всякую эксплуатацию человека человеком, в том числе и на национальной почве. Однако между любимым, тем более, столь грандиозным замыслом и его воплощением в жизнь лежала «дистанция огромного размера». Не отказываясь в принципе от конечной цели, большевики после прихода к власти были вынуждены серьезно скорректировать свой курс, в том числе и в национальной политике. Очевидное противоречие между национальным нигилизмом в теории и необходимостью считаться с проявлениями национализма на практике выразилось в лозунге самоопределения народов на

24 ГА РФ, ф. 1235 (ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), оп. 93, д. 582, л. 244-246. Нужно иметь в виду, что в эти дни в Москве находились члены Турккомиссии Ш.З. Элиава, Я.Э. Рудзутак и председатель ТуркЦИК Т. Рыскулов, приглашенные на заседание Политбюро ЦК РКП(б) по туркестанским вопросам в связи с известным проектом Рыскулова (январь 1920 г.) о Тюркской АССР. Как известно, Турккомиссия отвергла его после приезда М.В. Фрунзе в Ташкент 24 февраля, а в июне то же и уже окончательно постановило Политбюро (См.: *Устинов В.М.* Турар Рыскулов. Алматы, 1996. С. 150, 163-166). Письмо свидетельствует о различиях в позициях членов Турккомиссии, часть из которых поддержала Рыскулова, который вместе с Г.Г. Бех-Ивановым и Н.И. Ходжаевым в июне представил в комиссию ЦК РКП(б) доклад по вопросам Туркестана с обоснованием внутри- и внешнеполитической, экономической, культурной нецелесообразности разделения ТАССР на Киргизскую, Узбекскую и Туркменскую республики. В.И. Ленин предложил тогда не предрешать вопроса о делении ТАССР на три части, а Политбюро постановило предоставить национальным группам возможность создания автономий и меньшинствам коммун до их образования (РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д.75, л. 24-25). История проектов разделения ТАССР на республики в 1920 г., очевидно, нуждается в дополнительном изучении, однако, содержание цитируемого документа говорит, что Турккомиссии и Центру приходилось реагировать на различные, часто противоречивые инициативы, которые касались и судьбы Казахстана.

основе признания власти Советов и создания этнических государственных образований как составных частей Российской, а в перспективе – мировой федерации, всемирного «трудового братства», в котором национальности должны были раствориться. В свою очередь, сразу после взятия власти в центре и на местах перед большевиками встала масса вполне конкретных задач политического, хозяйственного, социального, культурного, административного и т.д. свойства, касавшихся повседневной жизни многоликого этноконфессионального сообщества.

Тем временем, казахские автономисты, не дожидаясь указаний сверху, деятельно включились в подготовительную работу. В конце июня киргизское представительство при ВЦИК (председатель член КирВРК и ВЦИК А. Байтурсинов, члены А. Ермеков и Г. Букейханов) постановило параллельно комиссии при КирВРК немедленно учредить комиссию из опытных статистиков, экономистов, этнологов, чертежников и других специалистов (всего – 22 человека) для подготовки проекта границ Кирреспублики по данным исторического, этнографического, естественно-географического, исторического и экономического положения края. Местом работы комиссии была определена Москва, поскольку именно здесь были сосредоточены документы соответствующих ведомств и учреждений.²⁵ Одновременно они инициировали направление представителей с мест на августовское совещание в столице. Так, по рекомендации Ермекова кирсекция Семипалатинского губревкома направила делегата для детального освещения вопроса об этнографическом составе населения области, о границах волостей, числе их жителей, а также о казахском населении Алтайской губернии и казачьей полосы. Для сбора материалов в государственных и научных учреждениях по определению границ республики в Петроград был направлен еще один представитель губернии. 2 августа заведующий Семипалатинским киротделом Акаев телеграфом известил Ермекова о единогласном желании казахского населения пяти уездов губернии присоединиться к Киркраю целиком.

Представителями КирВРК на совещание были назначены Пестковский и Байтурсинов, которые получили право кооптации новых членов из числа прибывших с мест. В конце июля был кооптирован еще один представитель казахской интеллигенции – Г. Алибеков. Еще до начала совещания произошли некоторые подвижки в позиции Наркомнаца. Решением этого наркомата 3 августа Ермеков был направлен в НКВД для согласования вопроса о границах. При этом Наркомнац согласился с предложением КирВРК, отдельных членов СибВРК и Челябинского губисполкома, а также с ходатайством представителей Семипалатинской губернии о передаче Семипалатинской части Акмолинской области и Кустанайского уезда в подчинение КирВРК. В общем, алашординцы мобилизовали все свои организационные и интеллектуальные ресурсы, чтобы добиться со-

25 ЦГА РК, ф.14, оп. 1, д. 61, л. 142.

гласия Центра на образование республики в границах, которые они отстаивали, начиная с 1917 г. – времени организационного оформления автономистского движения.²⁶

Совещание состоялось 9-10 августа под председательством члена коллегии Наркомнаца А.З. Каменского. Среди присутствовавших были: А. Ермаков (от Семипалатинской области и как докладчик; в 1918 г. он же от имени правительства казахской автономии Алаш вел переговоры о ее статусе с антибольшевистским Временным Сибирским правительством), М. Султан-Галиев (от Наркомнаца), С. Пестковский, М. Мурзагалиев, Г. Кулаков, А. Джангильдин, А. Байтурсинов и Г. Алибеков (от КирВРК), П. Петровский (от кирпредставительства в Москве), Г. Сафаров (от Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР), В. Соколов (от Сибревкома), И. Полюдов (от Омского губревкома), И. Мартынов (от Оренбургского губисполкома), Поляков (от Челябинского губисполкома), С.П. Милютин и Д. Темралиев (от Букеевской губернии), Итбаев и Уразаев (от Акмолинской области), А. Каримов (от Астраханской области) и А.Д. Цюрупа (от Наркомзема). Представителям западного отделения Алаш-Орды Досмухамедову и И. Кашкинбаеву не удалось получить разрешение на участие в совещании.²⁷

Ссылаясь на записку Кирревкома в Наркомнац, докладчик предлагал объединить в новой республике все территории проживания казахов в губерниях и областях Астраханской, Уральской, Тургайской,²⁸ Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской, Закаспийской, Самаркандской и Ферганской общей площадью в 3 467 922 кв. версты. По подсчетам ВРК, киргизское землепользование на всей этой территории составляло 81% всей площади, а киргизское население – около 5,5 млн. чел., или 54%. «При установлении границ Киргизии, – говорил Ермаков, – надо будет принять во внимание этнические, экономические и культурные особенности всего края. Если принять во внимание, что до сих пор киргизы в значительной мере сохранили кочевой образ жизни и скотоводство как преобладающее занятие..., то станет очевидной экономическая связь этих областей». «Поэтому создание Автономной Киргизской Республики может быть мыслимо и реально лишь при условии сохранения связи между северной и южной частями в одних границах, в противном случае автономия окажется безжизненной. Культурные и экономические центры также находятся на окраинах территории Киргизии, на которые претендуют

26 ГА РФ, ф. 1318, оп. 11, д. 12, л. 315, 381; д. 21, л. 13; д. 5, л. 7,9; оп. 1, д. 123, л. 89.

27 В Москву приехали 5 представителей западного отделения Алаш-Орды, в том числе оба Досмухамедовых. Очевидно, в совещании должен был участвовать глава отделения Д. Досмухамедов. Каменский ведал в Наркомнаце киргизским, башкирским, чувашским, марийским, вотским, удмуртским, украинским, инструкторско-организационным отделами и управлением делами. - ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 3, л. 27.

28 В тексте секретарем Е. Айнштейном ошибочно записано: «Туркестан».

смежные областные образования (Сибревком и др.). Без этих центров южные области будут обречены на экономический, хозяйственный и экономическо-культурный голод и вымирание. Исходя из этих соображений, – заключал он, – необходимо установить указанные границы Автономной Киргизии. Центром временно намечается Оренбург».²⁹

Представитель СибВРК в целом согласился с докладчиком, но подчеркнул, что отделение северных областей от Сибири искусственно прикрепит большое число русских к Киргизии и усилит в ней национальную рознь и распри. Кроме того, Оренбург как административный центр будет «острым углом в национальных отношениях между казаками и киргизами, и Киргизия рискует оказаться в огне восстаний». «История России, – говорил В. Соколов, – не дала киргизам возможности приобрести достаточно знаний и организационных навыков для создания аппарата, нужного для управления обширной территории Киргизии, а без такого аппарата автономия Киргизии рискует рассыпаться очень скоро». Для осторожного собирания земель и постепенного создания аппарата управления в процессе самой работы, заключил представитель СибВРК, нужно время, а пока можно оставить его в руках существующих органов – Сибревкома, Турккомиссии и пр., которые должны действовать в полном контакте с КирВРК.³⁰

С точки зрения объективной социокультурной и политической ситуации, в этих рассуждениях многое было справедливо – сложившаяся обстановка затрудняла реальное функционирование автономии в границах расселения этноса. Не случайно лидеры движения Алаш, в 1917 г. под напором господствовавших на развалинах империи центробежных тенденций провозгласив лозунг автономии и учитывая реальную расстановку сил и свои возможности, выступали за ее включение в состав Сибирской областной автономии.³¹ Когда в конце 1918 г. автономия была упразднена, алашординцы даже предлагали Верховному правителю Колчаку орга-

29 ГА РФ, ф. 1318, оп. 11, д. 18, л. 6, 17; оп. 1, д. 3, л. 44. Протокол совещания в подлиннике вместе с черновиками находится в деле № 3. Дж. Смит в работе *The Bolsheviks and the National Question, 1917-1923* ссылается на копии, которые отложились на лл. 62-105 дела № 4. Данная статья уточняет и дополняет некоторые аспекты, о которых пишет Смит.

30 Там же, д. 4, л. 64.

31 На сибирском областном съезде в октябре 1917 г. лидер Алаш А.Н. Букейханов заявил, что будущее своего народа мыслит в автономной Сибири и предложил при ее делении на три экономических района выделить в отдельный подрайон Тургайскую и Акмолинскую области и вообще всю Степную область Сибири. Съезд же высказался за образование «экстерриториальных персонально-автономных союзов» в Сибирской автономии, в состав которой должна была входить территория «на восток от Урала со включением всего Киргизского края при свободном на то волеизъявлении населяющего эти пределы населения». – Сибирская жизнь (Томск). 8, 11, 17, 21 октября 1917.

низовать управление краем по типу английского в Индии.³² Теперь же, когда провозглашение автономии стало практической и осуществимой задачей, они выступили за включение в нее входивших ранее в Степной край областей с преимущественно казахским населением.

Однако для Центра сохранять дробление организационных структур, имевших различный статус и подчинявшихся разным центральным органам, в условиях, когда перед ним стояла острая необходимость обеспечить жизнеспособность автономии, поддержку масс и лояльность национальных деятелей, настаивавших на реализации провозглашенного большевиками самоопределения, было нецелесообразно. В то же время именно опасения за судьбу новой власти, лишенной прочной социальной базы, вызывали возражения участников совещания. Сафаров, например, высказавшись за самоопределение казахского народа в советской форме, отметил, что «в киргизских областях Туркестана Советская власть не укреплена, классовых врагов приходится вытравливать огнем и железом», а в крае нет сил для самостоятельной работы в этом направлении. В итоге он поддержал мнение упомянутых выше членов Турккомиссии. «Эксперимент немедленного присоединения этих областей к Киргизии был бы чрезвычайно опасен», утверждал он, так как предоставил бы киргизскую бедноту на съедение кулакам. Следует сначала укрепить основную базу, а затем стремиться постепенно ее расширять.

Вообще, совещание выявило большую разногласию мнений (их определяла далеко не только национальность участников), явную нестыковку в понимании общегосударственных и региональных интересов в процессе становления советской федерации. Точку зрения Центра изложил Пестковский: «Строить здесь, в Киргизии, автономию по национальному принципу (как в других случаях) нельзя. Единственно мыслим территориальный принцип». Он был против отрыва окраин, экономически связанных с создаваемой республикой. Цюрупа поддержал его: «Край не сможет жить, если к степным пескам не будут присоединены более богатые окраины. Все аппараты Киркрая должны быть сосредоточены в Кирревкоме, иначе положение останется то же, что до сих пор».³³

32 См.: *Аманжолова*. Казахский автономизм и Россия. С. 118.

33 ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 3, л. 45-47. Мартынов, к примеру, считал, что для процветания республики и успешной эксплуатации ее сырья нужно отдать ей все наиболее сильные культурные и экономические окраины, а Кустанайский уезд может лучше управляться из Оренбурга, чем из Челябинска. Управление же автономией он считал необходимым временно оставить в трех административных центрах, чтобы они проводили единую политику и стремились к объединению киргизских областей. Полюдов поддержал последнее предложение, акцентируя внимание на темпах классового расслоения и успехах работы, от которых зависела скорость сосредоточения управления в КирВРК. Итбаев отмечал, что никакой национальной вражды между казаками и киргизами нет, они вполне ужились, и полагал, что уезды Омский, Петропавловский и Кокчетавский не могут быть отделены от Киргизии «ни на одну минуту».

Вновь вступивший в дискуссию Сафаров дал объективную, но не отвечающую конкретным политическим целям, оценку сложившейся коллизии. «Одно то, что мы все время бродим на огромной территории в поисках административного центра и не находим его», говорил он, подтверждает невозможность решить вопрос декретированием. Нужна долгая и напряженная работа. Он считал, что из Оренбурга влиять на ход дел и управлять Семиречьем и Сыр-Дарьей невозможно: «это анекдот, если не авантюра. Такая политика будет национальным утопизмом». Сибревком и Турккомиссия, по мнению Сафарова, должны постепенно передать управление областями Кирревкому.

Эти выступления большевистских лидеров вызвали острое неприятие националов. Байтурсинов, в частности, заявил: «Надо сказать открыто. Если Киркрай не может сам управляться, значит, республика не созрела, нет условий для ее создания и тогда не о чем говорить. Следовательно, надо прежде всего решить вопрос – есть ли надобность создавать эту республику. Если решим этот вопрос в утвердительном смысле, тогда надо будет создать в республике ту силу, которая должна будет управлять краем, и это возможно». Его поддержал Джангильдин, сделавший к тому же весьма красноречивое признание: «Если мы серьезно возьмемся за вопрос, то нечего бояться, что мы не справимся. Мы не могли еще провести классового расслоения», ибо в сложившейся обстановке «нам приходилось даже выезжать на национализме киргизских масс, иначе ничего нельзя было сделать». При отсутствии на обширной территории аппарата, людей, пролетариата осуществление решений затруднено, считал он, но это проблема технических возможностей.

Такая позиция не встретила поддержки у представителей Центра, вынужденного нащупывать «золотую середину» между необходимостью добиваться неукоснительного проведения своей политики и амбициями и претензиями националов, без которых нельзя было укрепить власть на окраинах и которым по-прежнему не доверяли. Султан-Галиев подчеркнул в своем выступлении: «Если власть слаба даже в Туркестане и Сибири, что никто не отрицает, то можно ли гарантировать, что их действия не будут расходиться с действиями Кирревкома и центральной власти. Поэтому ревком этих областей должен руководиться директивными распоряжениями из Центра». Он был против разделения управления краем между тремя центрами. Власть должна принадлежать КирВРК, считал он, а остальные центры должны работать по его национальному и социально-экономическому плану и лишь помогать ему, руководствуясь его директивами.

В ответ автономисты продолжали отстаивать свою позицию. Ермеков выступил вновь и сказал: «Странно, что принципиальное единодушие в вопросе о создании автономии так расходится с делаемыми выводами. Действительно, встает вопрос, целесообразно ли создавать республику. Если я правильно понял, создание автономии [нужно] не только для агитацион-

ного дела, но и для практической работы, то надо создать и аппарат, иначе нет надобности и бессмысленно говорить о республике. Уж не говоря, что киргизы сами себя обслуживают. Центр должен будет снабжать Кирревком работниками...». Он согласился, что трудно выбрать действительный административный центр республики, посчитал, что в отношении некоторых «сомнительных» областей надо выяснить их мнение и предложил Сибревкому и Турккомиссии направить туда своих уполномоченных. Таким образом, автономисты, опираясь на национальную доктрину правящей партии и признав ее, последовательно добивались своей цели – создания национального государства.³⁴

10 августа совещание в целом одобрило предложенную Каменским резолюцию и поправки к ней, и образование Кирреспублики, таким образом, было решено. При этом совещание постановило, что до укрепления аппарата КирВРК соответствующие части края должны находиться в подчинении СибВРК и Турккомиссии. КирВРК, в свою очередь, должен был направить своих уполномоченных в эти областные центры на правах членов их ревкомов для подготовки аппарата власти с последующей передачей этих аппаратов республике.³⁵

Итак, в целом автономистам удалось отстоять свои интересы. Во всяком случае, каким бы, с точки зрения руководства пограничных регионов, искусственным и насаждаемым сверху ни казалось новое государственное образование, тогда интересы Центра и националов совпали. Национальное равенство, провозглашенное большевиками, должно было реализоваться в национальной государственности, по крайней мере, для тех народов, которые имели к тому времени сколько-нибудь развитую культуру, свои организации и проявили определенное стремление к самоопределению, даже если это не вполне соответствовало уровню их этнополитической самоидентификации и экономического развития, а в гораздо большей степени вызывалось давлением общеполитической ситуации и ведущих тенденций общероссийского революционного процесса.

12 августа вопрос рассматривался на совещании под председательством Ленина, через два дня проект декрета о республике одобрила коллегия Наркомнаца, 16 августа – административная комиссия при Президиуме ВЦИК, а 17 и 24 августа – СНК РСФСР. 26 августа декрет вступил в силу. Согласно ему, к новой автономии отходили не только Оренбург, но и находящиеся на западе Казахстана Уральск, Кустанай, Порт-Александровск как «культурно-экономические базы с революционными элементами – пере-

34 Там же, л. 48.

35 Там же, л. 49; д. 4, л. 62. После дискуссии было решено вопрос о разработке границ в Кустанайском уезде передать в Наркомнац и НКВД, причем Пестковский, которого поддержал Ермаков, для этого предложил создать комиссию из представителей этих наркоматов, КирВРК, СибВРК, Турккомиссии и Челябинского исполкома. Полюдов и Мартынов были против, Владимирский – за учет мнения местных работников, но против широкой комиссии. Голосованием идея комиссии была отвергнута.

селенцами, переброшенными при царизме... как политически неблагонадежные, зараженные аграрным движением в России».³⁶

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭТНОГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

До 1936 г. Казахстан на правах автономии входил в состав РСФСР. Само «собрание» его земель происходило уже после провозглашения КАССР. В начале 1921 г. начались переговоры относительно отдельных районов Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей Туркестана с преимущественно казахским населением. Они были включены в состав Казахстана во время среднеазиатского национально-государственного размежевания 1924 г. В начале 1925 г. столица республики была перенесена на юг – в г. Ак-Мечеть (до 1922 г. Перовск), вскоре переименованный в Кызыл-Орду. 2 апреля 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило Президиуму ВЦИК создать комиссию по размежеванию Оренбургской губернии и КАССР, и 6 апреля решением ВЦИК Оренбургская губерния была выделена из состава Казахстана.³⁷

36 См.: Образование Казахской АССР. С. 247; ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 3, л. 42-43; Зиманов С.З., Даулетова С.О., Исмагулов М.Ш. Казахский революционный комитет. Алма-Ата, 1981. С. 189-190.

Сразу же возникло характерное недоразумение. 3 сентября представительство КирВРК направило в СНК РСФСР просьбу принять срочные меры к исправлению недосмотра, по которому в опубликованном в *Известиях ВЦИК* декрете об образовании КАССР «почему-то опущена Оренбургская губерния». В письме говорилось, что состоялось соглашение Оренбургского губисполкома и КирВРК о вхождении губернии в состав края, а на недавнем совещании и заседании Политбюро представитель Оренбурга Мартынов даже подчеркивал необходимость этого. 20 сентября 1920 г. появилось постановление ВЦИК о включении Оренбурга и некоторых районов Оренбургской губернии в КАССР. – ГА РФ, ф. 1318, оп. 11, д. 18, л. 40; Декреты Советской власти. Т. 10. С. 98-99, 193.

37 РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 484, л. 52. В проекте Средазбюро ЦК РКП(б) от 11 октября 1924 г. о национальном размежевании был пункт, не вошедший в постановление Политбюро от 12 июня 1924 г.: «Ввиду наличия претензий в вопросе о г. Ташкенте со стороны киргизских работников считать, что г. Ташкент должен быть отнесен к Узбекской Республике» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 430, л. 23). Политбюро постановило оставить в силе решение о передаче Ташкента Узбекистану. Признавалось возможным в случае необходимости пребывание в Ташкенте административного центра управления (не крупнее уездного) близлежащих районов КАССР. Далее указывалось: «Ввиду разбросанности административных губернских центров Кирреспублики, отсутствия железных дорог и телеграфной связи, затруднительности управления в силу огромной территории из одного центра признать необходимым районирование административной сети Кирреспублики, с предоставлением большей самостоятельности районам при обеспечении общего руководства со стороны киргизского центра». Оргбюро ЦК поручалось подготовить комиссию для срочной разработки форм управления Кирреспублики, а равно и определения ее будущего центра. – Там же, д. 455, л. 7.

Однако несовершенства системы управления республикой сохранялись еще довольно долго. Их главными причинами была нехватка ресурсов и опыта у национальных деятелей, получивших автономию, и дефицит компетентных кадров, направляемых из Центра для оказания им деятельной помощи. Такова была цена попытки революционным путем преодолеть цивилизационный рубеж, менее болезненный переход через который потребовал бы усилий не одного поколения казахов. В октябре 1920 г. Сталин писал по этому поводу: «Одной из серьезных преград по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительную, так и революционно-строительную работу на окраинах. Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти и так малочисленные группы местных интеллигентов...».³⁸

Таким образом, для начального периода реализации политики национального равенства были характерны объективные противоречия и столкновение политических целей большевиков с наличным механизмом реализации этих целей. Подготовка учредительного съезда и совокупность проблем, связанных с образованием республики, требовали объединения всех сил, лояльных советской власти, под единым руководством. Однако это не сопровождалось признанием политической значимости национальной элиты, которая главным образом состояла из представителей «нетрудового» населения, до революции служивших в органах царской и буржуазной власти. В сентябре 1920 г. областное бюро РКП(б) приняло постановление, в котором предложило местным парторганизациям использовать национальную интеллигенцию «лишь как техническую группу», не вступая с ней ни в какие политические коалиции, поскольку, как заявлялось в документе, она не имела опоры среди широких киргизских масс и не являлась единой в политическом смысле. Действительно, казахская интеллигенция была раздроблена в идейно-политическом плане (и это в 1920-е гг. сказывалось на ее поведении неоднократно³⁹), но влияние на массы она, безусловно, сохраняла, особенно алашординцы, некоторые из которых вошли в руководство республики.

Репрессии против казахской интеллигенции начались уже в 1921 г. Однако ее политическая изоляция не могла быть полной, сама жизнь представляла власть отвечать на вопросы, которые национальная элита сформу-

38 Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 360-361.

39 В каждом конкретном случае родовая или этническая солидарность причудливо взаимодействовала с социальными и идейно-политическими позициями, брала верх или уступала место последним – особенно если учесть, что Букейханов называл свое движение западным, а среди его оппонентов-казахов было немало и достаточно последовательных коммунистов. Свою роль также играли тактические и конъюнктурные моменты.

лировала и на которые искала адекватные ответы еще до революции. Эти вопросы прозвучали в докладе облбюро партии о подготовке I-го Всекиргизского съезда Советов. Они таковы: имеется ли среди широких киргизских масс стремление к национальному объединению всего народа или это течение разжигается только национал-шовинистически настроенной казахской интеллигенцией? Имеет ли интеллигенция опору среди широких народных масс или опирается только на буржуазные или кулацкие круги, или является беспочвенной группой, играющей роль вследствие большой организованности? Есть ли внутри казахского общества признаки классового расслоения и объективные условия для восприятия массами классовой дифференциации под воздействием побудительных мероприятий? Какие революционные методы возможны для проведения расслоения и вовлечения трудовых киргизских масс в революционную борьбу? Являются ли переселенческие элементы революционными? На кого главным образом должна опираться Советская власть для своего укрепления?⁴⁰

Постановка этих вопросов явственно обнаруживает как довольно четкое осознание властью самых чувствительных и острых проблем, так и признание своей уязвимости в понимании основ этнической картины мира и внутренних рычагов жизнедеятельности этноса. Реализовать принцип диктатуры пролетариата на национальных окраинах в таких условиях без применения силы было невозможно, и хотя это способствовало установлению порядка в стране и преодолению экономического неравенства наций, вместе с тем неизбежно вело к сосредоточению власти и административного контроля в Центре. А это, в свою очередь, столь же неизбежно означало подчинение общегосударственным (т.е. преимущественно русским) образцам и тенденциям, искажавшим сущность и течение модернизационных процессов внутри национальных общностей.⁴¹

40 АП РК, ф. 140 (Киргизское [Казахское] областное бюро РКП (б)), оп. 1, д. 48, л. 8.

41 Этническое мировосприятие и оценка национальной политики в этот период отражены в добавлениях к тезисам Ленина по колониальному и национальному вопросу на II-й конгресс Коминтерна коммунистов Башкирии, Туркестана и Киргизии Т. Рыскулова, А.-З. Валидова, Х. Юмагулова, А. Байтурсынова и А. Ермакова от 12 июня 1920 г. Содержание тезисов доказывало неоспоримый для националов факт, «что передовые вожди коммунистической революции, взявшие себе задачей не формально, не компромиссно, но кардинально разработать национальный вопрос, еще не могут выяснить себе, какие трудности приходится преодолевать не только при решении, но и при изучении национальных взаимоотношений и колониального вопроса в то время, когда еще революция из национальной русской не превратилась в интернациональную, когда носители идеи мировой революции должны вести свою работу в атмосфере «уединенного государства» с отвратительным империалистическим прошлым и с населением, состоящим на 70% из европейцев, включая и украинцев (сильных и безнаказанных за свои грабежи и убийства) и малым процентом инородцев-туземцев, привыкших покорно переносить всякие циничные издевательства и насилие над личностью в государстве, где грабеж и насилие инород-

Национальная интеллигенция, поставленная в жесткие рамки продиктованной советским Центром необходимости, тем не менее, во всех своих ипостасях стремилась завоевать и удержать позиции во властных структурах, чтобы защитить и реализовать собственное понимание национальных интересов и целей. В частности, она приняла участие в работе учредительного съезда рабочих, крестьянских, казачьих, киргизских и красноармейских депутатов, который состоялся 4-12 октября 1920 г. в Оренбурге. 273 делегата из всех областей Казахстана и 6 делегатов от казахского населения Алтайской губернии (вопросы разграничения Семипалатинской и Алтайской губерний рассматривались на сессии ВЦИК уже в октябре 1924 г., причем А. Ермаков выступил в качестве одного из консультантов) приняли «Декларацию прав трудящихся Киргизской АССР», определившую принципы образования первого казахского государства как автономной единицы РСФСР.⁴²

В 1920-1921 гг. власть продолжила курс на объединение в границах автономии районов традиционного проживания казахов. В Омском уезде Акмолинской области и других регионах точное определение границ с учетом этнического состава населения проводилось специальными комиссиями. 14 октября 1920 г. было создано представительство КАССР при Сибревкоме в Омске. Оно участвовало в административном и хозяйственном управлении и провело подготовку фактической передачи Семипалатинской и Акмолинской областей в состав КАССР. Определение

цев в глазах как угнетателей, так и угнетаемых получил характер вполне нормального, обычного и законного явления.

Весь дух тех мест тезисов, которые касаются отсталых стран, подчеркивание особым пунктом недоверия и национальной ограниченности отсталых народов и необходимости ничего не говорящей «снисходительной осторожности», полное отсутствие указания на различия пролетариев угнетавших и угнетенных и на пути, реально обеспечивающие солидарную работу этих двух типов пролетариев в борьбе против общего врага – капитала, указание на панисламизм, не имеющий никакой реальной почвы не только среди народной массы, но даже среди буржуазно-демократической интеллигенции, – все это в совокупности показывает полную безрезультатность тех вопль [так в тексте. – Д.А.], которыми пропитаны насквозь доклады туркестанских, киргизских, башкирских и туркменских коммунистов, которые на местах получили прозвище «мелкой буржуазии», «национально ограниченных людей» и людей, стремящихся создать «китайскую стену» между колониями и метрополией». – РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 3, л. 23.

42 Одним из основных докладчиков на съезде был А. Ермаков. Председателем СНК КАССР был избран глава КирВРК В.А. Радус-Зенькович, председатель КирЦИК – С.М. Мендешев. КирВРК к этому времени фактически прекратил свою деятельность. А. Байтурсинов стал первым наркомом просвещения республики, Г. Алибеков – наркомом юстиции. – См.: Борцы за Советскую власть в Казахстане. Вып. 1. Алма-Ата, 1982. С. 193-194; ГА РФ, ф. 1235, оп. 95, д. 495, л. 162; ГАСО, ф. 73 (Семипалатинский губернский исполком Советов рабочих и крестьянских депутатов), оп. 2, д. 167, л. 1-2, 5, 7, 12-13.

северо-восточной границы республики и вопрос об административном подчинении этих областей диктовались политико-экономической целесообразностью, которая, однако, подчас трактовалась сибирским и казахским руководством по-разному. В частности, в начале февраля 1921 г. представитель КАССР при Сибревкоме А. Айтиев обратил внимание ЦИК республики на стремление сибиряков удержать за собой ряд районов, в том числе в Омском уезде. Он указывал, что взятые ими за основу формальные принципы «национального соотношения и плотности населения не выдерживают как с политической, так и с экономической точки зрения никакой критики». Казахстанские руководители, опираясь на поддержку Центра, подчеркивали, что в основу организации республики положено стремление «избегать разрушения исторически сложившегося хозяйственно-экономического взаимоотношения между скотоводческим и земледельческим хозяйствами; с политической же точки зрения оспариваемая Сибпредставителями плотность населения, с культурно и политически развитыми пунктами, имеет для молодой Киргизской республики первенствующее политическое значение в смысле проведения в жизнь революционных начал среди находящегося еще в стадии средневековья кирнаселения».

Размежевание на северо-востоке Казахстана завершила и юридически оформила Чрезвычайная полномочная комиссия КирЦИКа по приему и организации управления этих губерний, созданная 16 февраля 1921 г. и действовавшая до июня этого года. Представительство же продолжало работать до 10 января 1923 г.⁴³ В 1924 г. КАССР были дополнительно переданы населенные пункты Рубцовского района Алтайской губернии, а в 1930 г. уточнена граница между Петропавловским уездом КАССР и Омским округом Сибирского края с передачей части территории Казахстана РСФСР. Кроме того, в 1921 г. была организована комиссия и проведено совещание по урегулированию территориальных споров о волостях

43 Уже в августе 1920 г. члены КирВРК Джангильдин и Авдеев направились в Акмолинскую и Семипалатинскую области для решения вопросов разграничения. На деле оно проходило трудно и под влиянием разных факторов, в том числе необходимости оперативно решать неотложные хозяйственные задачи. 16 января 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) предложило Президиуму ВЦИК пересмотреть вопрос о соляных озерах Павлодарского уезда, находившихся в административном подчинении КАССР и переданных ВЦИКом в хозяйственную эксплуатацию Сибревкому. 26 января район озер был передан в полное подчинение КАССР. Но в мае после обращений СибВРК Политбюро отменило решение Оргбюро. К тому же, еще 13 марта Политбюро приняло предложение Ф.Э. Держинского о вывозе продовольствия из Сибири и предложило «обратить особое внимание на органы НКПрода в Киргизии, усилив их всемерно, и подчинить районы Киргизии, тяготеющие к Сибирской железной дороге и водным путям сообщения (Акмолинская и Семипалатинская губернии), Сибнаркомпроду путем назначения Сибнаркомпрода одновременно и Кирнаркомпродом по совместительству». – РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 263, л. 9; см. также: Протоколы революционного комитета. С. 64, 66, 106-107, 164, 166, 183.

Астраханской губернии со смешанным населением, объединенных в Волго-Каспийскую Киргизию. В ноябре 1921 г. Президиум ЦИК ТАССР принял решение о присоединении к Казахстану Адаевского уезда (еще в октябре 1920 г. две адаевские волости Красноводского уезда Туркестана были объединены с Мангышлакским уездом, в результате чего был образован Адаевский уезд КАССР).⁴⁴

Формальный акт легитимизации советской государственности в Казахстане отнюдь не означал фактического ее осуществления. Как известно, советизация этого региона продолжалась в 1920-е годы и проходила весьма болезненно. Для национальных масс отчуждение от власти сохранялось, и ее новый облик традиционные сознание и иерархия внутриэтнических взаимосвязей трансформировали достаточно причудливо. В июне 1926 г. секретарь Сыр-Дарьинского губкома партии сообщал в ЦК ВКП(б), что при обследовании одной из волостных организаций Аулие-Атинского уезда (Аулие-Ата, в 1936-1938 гг. Мирзоян, затем Джамбул) партработники столкнулись с фактом групповой сдачи кандидатских карточек. Объяснения при этом были даны своеобразные: «Нас записали в прошлом году, когда была родовая вражда при перевыборах Советов. В нынешнем году мы не победили, так зачем нам состоять в партии, только членские взносы платить».⁴⁵

Но национальная интеллигенция не оставляла надежд и попыток добиться реального самоопределения, тем более, что по-прежнему, по признанию партийных руководителей на местах, сохраняла безусловное влияние на казахов-коммунистов и вообще на националов – работников советских, общественных и партийных структур, независимо от того, состояли они в партии или нет. Несмотря на неоднородность своего состава и различия в отношении к власти, в середине 1920-х гг. бывшие алашординцы одну из своих важнейших задач видели в том, чтобы «создать самостоятельную единицу из Киргизии с вхождением непосредственно в СССР». Их не устраивала фактически полная подконтрольность автономии Центру и зависимость от него. В январе 1926 г. Ф.И. Голощекин отмечал: «Вопрос национального самосознания между прочим выражается в том, что они хотят “совсем без русских и без ЦК”. Есть разговоры, что не мы хозяева, а русский Цека, Москва хозяин». Еще в апреле 1922 г. бывший алашординец Р. Марсеков, отвечая на вопрос анкеты: «С какой областью политики Советской власти не согласен?», записал: «Кирреспублике не предоставлено право на заключение торговых договоров с соседними государствами». В примечании он добавил: «Украинская рес-

44 Вехи консолидации. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917-1927 гг. Сб. документов. Алма-Ата, 1990. С. 48-49, 202; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1930. № 17. Ст. 223; *Сартаев С.* Образование и становление Казахской Советской государственности. Алма-Ата, 1960. С. 77.

45 РГАСПИ, ф. 17, оп. 32, д. 54, л. 7.

публика имеет право на заключение торговых договоров с соседними государствами, и она этим правом уже воспользовалась, а Кирреспублика как член федерации такого права не имеет». Не удовлетворял националов и столичный статус Оренбурга. Гораздо более привлекательным они считали Ташкент, где в середине 1920-х гг. сосредоточились основные образовательные, научные и культурные силы центральноазиатской интеллигенции (в том числе часть алашординцев), однако, как уже говорилось, столица Казахстана была перенесена в южную Кзыл-Орду.⁴⁶

Примечательно, что в постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 11 октября 1924 г. о национальном размежевании Средней Азии был включен пункт 4: «Не возражать в принципе против вхождения Кирреспублики на договорных началах в СССР, считать необходимым отложить практическое проведение этого решения впредь до выяснения опыта работы Кирреспублики на новых началах и в новых границах и предложить Киробкому провести через советские органы Кирреспублики соответствующее постановление. Предложить Киробкому воспрепятствовать дальнейшему обсуждению вопроса как в партийных органах, так и в беспартийных массах».⁴⁷ Очевидно, вплоть до 1936 г. «опыт работы» республики в

46 Там же, д. 10, л. 152-153, 156, 158; оп. 31, д. 31, л. 22; оп. 84, д. 1056, л. 10; ГАСО, ф. 73, оп. 2, д. 318, л. 1-7. Идея сделать Ташкент центром Казахстана и даже присоединить к автономии практически весь Туркестан обсуждалась КиВРК и Т. Рыскуловым по инициативе последнего (видимо, в связи с его проектом Тюркской Советской Республики) уже в марте 1920 г., однако не была реализована. – См.: Протоколы революционного комитета. С. 66, 76, 167, 173; см. также прим. 34.

Из туркестанских и хорезмских каракалпаков была образована автономная область с непосредственным вхождением в РСФСР, а 25 сентября 1924 г. Политбюро признало необходимым образовать ее в составе КАССР. Кроме того, 25 сентября и 11 октября были утверждены решения об отнесении некоторых волостей Ташкентского и Мирзачульского уездов к Узбекской Республике, создано общее для региона Управление водным хозяйством, подчиненное СТО СССР, район деятельности которого распространялся и на отошедшие к КАССР районы бывшей ТАССР, «где имеется водная сеть» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 430, л. 19; д. 452, л. 25, 10-11). На уровне Политбюро ЦК РКП(б) и в 1925 г. решались вопросы о спорных волостях и распределении урожая зерна между вновь образованными республиками, причем среди заготовителей пшеницы в Джетысуйской и Сыр-Дарьинской областях назывался и Средазхлеб. Вывоз производился только с особого разрешения НКВноторга СССР, а право регулирования в этих областях – «на общих основаниях» киргизским правительством. Аналогичным образом решался вопрос о цене на хлеб. В то же время рыбная промышленность Аральского моря, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи как уголья местного значения передавались КАССР. – Там же, д. 491, л. 45 и об; д. 484, л. 52.

47 РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 455, л. 8. Там же указывалось на абсолютную недопустимость перенесения вопроса на обсуждение и решение по советской линии без предварительного решения ЦК партии, а ЦКК поручалось расследовать, как делу был дан ход по этой самой «советской линии» (по существу, единственно правомочной решать такие вопросы) и наказать виновных за нарушение партдисциплины.

глазах руководства страны оставался недостаточным для повышения статуса автономии.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Как известно, в процессе образования СССР, особенно на начальном этапе, о котором выше шла речь, проявлялись черты и союза, и федерации, и унитарного государства, тем более, что долговременные и краткосрочные цели национальной политики РКП(б) различались. Однако уже в 1920 г. Сталин вполне отчетливо представлял себе, какой в новом государстве должна быть иерархия национально-государственных структур. Республики татар, казахов, башкир он считал более высокой ступенью политической автономии в сравнении с административной автономией немцев Поволжья, чувашей или карел и в то же время менее широкой, чем статус Украины, Туркестана и особенно тех республик, которые имели пока договорные отношения с Советской Россией (Азербайджан, например).⁴⁸ Все эти формы взаимоотношений являлись лишь ступеньками на пути к унитарному государству. И хотя в ходе его создания некоторые национальные образования изменили свой статус (тот же Казахстан в 1936 г. стал союзной республикой), различия между автономными областями и республиками, между автономиями РСФСР и формально еще суверенными советскими республиками Сталин, вероятно, рассматривал скорее как эффективный пропагандистский прием и способ декларации, а не реализации права на самоопределение. Как известно, он изначально выступал за самоопределение трудящихся, а не наций. Не случайно в 1920-е гг. довольно много дискутировался вопрос о недостаточно отрегулированных взаимоотношениях и полномочиях ведомств союзного, республиканского и автономного уровней.⁴⁹

Несмотря на то, что многие партийные руководители 1920-х гг., в том числе Ленин, выступали за более взвешенный подход к решению национального вопроса, оптимальный баланс прав и полномочий Центра, с одной стороны, и национальных образований, с другой, в противовес абсурду безудержной федерализации и столь же недальновидному безоговорочному насаждению унитаризма, с 1923 г. возобладал иной курс. На XII съезде РКП(б), обсуждавшем национальный вопрос, Сталин сформулировал его следующим образом: «...право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру».⁵⁰

48 См.: *Сталин*. Соч. Т. 4. С. 351-363; Правда. 10 октября 1920.

49 См. об этом, в частности: *Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Исторические судьбы «национального нэпа» // Россия нэповская. С. 58-93.

50 *Сталин*. Соч. Т. 5. С. 265.

В 1920-х гг. в ходе национально-государственного строительства проводились и административно-территориальные преобразования – были созданы 6 краев (они имели внешние границы и включали в себя автономии) и 5 областей, не считая приравненных к ним национальных образований, которые также делились на более мелкие единицы. Что касается Казахстана, то уже в апреле 1956 г. в состав Астраханской области России была включена южная часть Джаныбекского района Западно-Казахстанской области, а в ноябре 1962 г. и в декабре 1965 г. изменена граница между Челябинской областью РСФСР и Кустанайской областью КССР со взаимным обменом территориями и передачей России двух населенных пунктов.⁵¹

Новая внутригосударственная структура страны должна была обеспечивать политическую стабильность и устойчивость, более эффективное социально-экономическое развитие и интеграцию регионов, служить символом справедливого решения национального вопроса. Но исторически сложившиеся пестрота и чересполосица этнического расселения, в том числе в Центральной Азии, не могли быть преодолены административными методами, которые часто создавали почву для латентной напряженности во многих регионах. При этом и Центр, и национальные деятели надолго оказались заложниками идеи огосударствления этносов как единственного способа решения их многообразных проблем, существенно ограничивая иные, не менее важные механизмы и формы жизнедеятельности поликультурного общества. История образования и оформления РСФСР и СССР как результат сложного взаимодействия альтернатив развития российского социума на развалинах великой империи представляется весьма поучительной в ходе новейшей трансформации государственности РФ и других стран СНГ, а также непрекращающихся дискуссий о проблемах федерализма, сепаратизма и регионализма с учетом трудностей их эффективного разрешения.⁵²

51 См.: Сб. Законов СССР 1938-1975 гг. М., 1975. Т. 1. С. 65-66, 70-71, 73-75.

52 См., напр.: Многомерные границы Центральной Азии. М., 2000.